РУЛЬ

20 Pfennig

1. 8. 1928.

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписная цѣна: Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою ежедн. на домъ 4.30 герм. мар. въ мѣсяцъ Во всѣхъ почт. учрежд. Германіи 4.30 герм. мар. въ мѣсяцъ (и по 36 пф. почт. расх. за доставку). Внѣ Германіи въ Европ. страны: Австрію 8 шил., Англію 5 шил., Бельгію 7.50 бельга, Болгарію 120 лев., Венгрію 6 пенге, Голландію 3.— голл. гульд., Грецію 100 др., Данію 4.50 д. кр., Данц. обл. 6.— гульд., Испанію 8.— пез., Италію 25 лиръ, Латвію 5.— латъ, Литву 11.— литъ, Норвегію 4.50 норв. кронъ, Польшу 1.— амер. долл., Португалію 20.— эскуд., Румынію 200 лей (для Бессарабіи 150 лей), Турцію 200 піастр., Финляндію 45 ф. мар., Францію 25.— франц. фр., Чехословакію 35.— чешск. кр., Швейцарію 6.— шв. фр., Швецію 4.— швед. кронъ, Эстонію 4 эст. кр. Югославію 60 дин. въ мѣс. **Во внѣевропейскія страны:** Азію вост. 1.20 долл. ам., Азію зап. 5 англ. шил., Нид. Инд. 3.— голл. гульд., Америку вообще 1.20 долл.. Аргент. респ. 1.30 зол. песо, Бразилію 8.— мильр., Чили 12.50 бум. песо, Африку, Англ. влад. 5 англ. шил., Итальянск. влад. 35 ит. лиръ, Франц. влад. 30.— фр. фр. въ мѣс. Къ заказу просятъ прилагать деньги во избѣжаніе замедленія высылки. Текущіе почтовые счета: для Германіи — Berlin № 27156; для Чехословакіи — Praha № 77354; для Югославіи — Београдъ № 68020 для Польши P. K. O. — Warszawa № 9668.

Объявленія:

1 милл. строка (ширина 22 мм.)	0.20 M.
Объявленія семейн. характера, за строку	0.15 M.
Присяжные повѣренные	0.15 M.
Врачи и ищущіе труда	0.10 M.

При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу Заграничныя объявленія по особому тарифу

Адресъ редакціи и конторы:
Berlin SW 48, Friedrichstraße 16, Aufgang C.
Телефонъ: Dönhoff 5567 и 5568
Адресъ для телеграммъ: Rulzeitung Berlin.

Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 1/2 2 до 3 1/2 часа дня.

Основанъ І. В. Ге[illegible] проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковымъ †

ДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

n, 1. August 1928. Wochentags-Ausgabe Nr. 147.

34.

Среда, 1 Августа 1928 г.

9-й г. изд.

дня въ номерѣ:

ты и займы.

ный человѣкъ. — Сергѣя новскаго.

вычная Россія. — Ю. И. Айхенвальда.

блема культурной смычки. — Тимашева.

ольно безобразій. — Скептика.

занное вниманіе.

тика и библіографія.

Рецензіи: А. Кизеветтера, Арсенія Мерича, В. К. и др.

ИТЫ ЙМЫ.

Берлинъ, 31. іюля.

Отъ хорошей жизни не полетишь! Если крестьянскій заемъ принудительно распространялся въ деревнѣ, если съ ножомъ къ горлу навязывали облигаціи займа крестьянамъ, къ этому принуждала жестокая необходимость — добровольно никто уже брать не хотѣлъ этотъ «клочка бумаги». Если бы, однако, такія мѣры дали положительные результаты — то… побѣдителей не судятъ. Въ карманахъ у власти были бы деньги, хоть и бумажныя, а населеніе убѣдилось бы, что — хочешь, не хочешь, а волю начальства нужно исполнять. Но случилось какъ разъ наоборотъ. Капитала наркомфинъ не пріобрѣлъ, а престижъ въ глазахъ крестьянъ совсѣмъ потерялъ, послѣ того какъ начальство заявило, что оно признаетъ свою ошибку и впредь обѣщаетъ — всерьезъ и надолго — къ принудительнымъ мѣрамъ не прибѣгать.

Ясно, что послѣ этого надо было бы надолго отказаться отъ выпуска новыхъ займовъ; верхомъ наивности было бы расчитывать, что устоявшая противъ насилій деревня, доведенная послѣдними мѣропріятіями до бѣлаго каленія, станетъ добровольно раскупать облигаціи новаго займа. Но новый курсъ, повидимому, въ томъ и состоитъ, чтобы дѣйствовать разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ и по[illegible] — въ газетахъ стали печататься «письма рабочихъ», требовавшихъ выпуска новаго займа индустріализаціи, и отзывчивый Кремль, «по желанію почтенной публики» (какъ пишутъ на афишахъ прогорѣвшія провинціальныя антрепризы) выпустилъ новый грандіозный полумилліардный заемъ. Ужъ сотрудники «Правды» заявляютъ о своей готовности пожертвовать двухмѣсячнымъ заработкомъ и «вызываютъ» своихъ коллегъ сдѣлать то же самое! Honny soit qui mal y pense! Боже упаси — заподозрить здѣсь хотя тѣнь принудительности. Да и вообще не стоитъ о пустякахъ говорить, если со всѣхъ этихъ крѣпостныхъ добровольцевъ удастся собрать десятокъ милліоновъ — и то будетъ чудо. А дальше что? Оба послѣдніе займа индустріализаціи и поддержанія крестьянскаго хозяйства, мало того, что далеко не размѣщены, но и тѣ облигаціи, которыя силою были навязаны, быстро вернулись въ кассы казначействъ въ уплату налоговъ и т. п. Почему же выпускать новый заемъ? И еще въ такой исключительно неблагопріятный моментъ, когда фабрики и заводы останавливаются за недостаткомъ сырья, когда даже въ деревнѣ нѣтъ хлѣба и результаты урожая еще не выяснены.

Очевидно, эта финансовая операція, заранѣе обреченная на полную неудачу, предпринята не для того, чтобы получить отъ населенія его сбереженія, чтобы усилить средства госуд. казначейства. Заемъ это тоже одно изъ средствъ самовнушенія. Выпускъ займа долженъ свидѣтельствовать, что все обстоитъ благополучно, что жизнь нормально развивается, что престижъ власти стоитъ непоколебимо. Повидимому, тѣми же мотивами объясняется и желаніе получить заграничные кредиты, изъ за которыхъ обиваетъ пороги г. Стомоньяковъ. Конечно, если бы можно было получить кредитъ деньгами, иностранной валютой — было бы изъ за чего стараться. Но объ этомъ и рѣчи нѣтъ — въ лучшемъ случаѣ кредитъ можно получить товарами, по примѣру германскаго трехсотмилліоннаго кредита. Но именно тогда и выяснилось, что кредитъ совѣтской власти совсѣмъ не нуженъ. ВСНХ не могъ его использовать и заказы германской промышленности задерживались. Когда же изъ Москвы данъ былъ строгій приказъ по всѣмъ трестамъ сдѣлать заказы въ ударномъ порядкѣ, то стали заказывать, что только поскорѣе на умъ взбрело, нисколько не считаясь съ тѣмъ, нужны ли эти заказы. А когда заказанное оборудованіе стало приходить, то выяснилось, что хозяйственная организація СССР такова, что не только пустить въ ходъ, но принять отъ заводовъ доставленныя машины она не въ состояніи. И въ то самое время, какъ Стомоньяковъ рыскаетъ въ поискахъ новыхъ кредитовъ, московскія газеты вопіютъ о «безобразіяхъ»: и ненужное и нужное оборудованіе валяется на складахъ, на заводскихъ дворахъ, гніетъ, ржавѣетъ, расхищается и всѣ поглощены розыскомъ виновниковъ и каждый день возникаютъ новые судебные процессы и, чтобы облегчить свое положеніе, пытаются набросить тѣнь на германскихъ поставщиковъ. Все это хорошо и широко извѣстно и было бы странно, если бы надежда Стомоньякова на полученіе осенью новыхъ кредитовъ осуществилась. Но если бабушка и впредь будетъ ворожить Кремлю, то новые кредиты обрушились бы просто непосильной тяжестью на совсановниковъ, потому что уже и на складахъ и заводскихъ дворахъ не нашлось бы мѣста для вновь прибывающаго оборудованія. Несомнѣнно, что Стомоньяковъ отлично это понимаетъ и очевидно, что кредиты нужны не для пріобрѣтенія новыхъ машинъ, а для самовнушенія, для поднятія престижа власти.

Такой выводъ представляется невѣроятнымъ, просто нелѣпымъ. Но если дѣло дошло уже до того, что московскій «Трудъ» рѣшительно поддерживаетъ наши утвержденія и въ № 172 называетъ совѣтскій режимъ «сумасшедшимъ домомъ», то можетъ ли получиться что либо, кромѣ нелѣпаго и невѣроятнаго вывода?

Совѣтско-германскія отношенія.

Усиленная работа Москвы заграницей. — Чистка красной арміи. — Уличныя столкновенія. — Антисемитизмъ.

Для совѣщаній, которыя сейчасъ происходятъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ съ пріѣхавшимъ изъ Москвы германскимъ посломъ графомъ Брокдорфомъ-Ранцау, совѣтская власть старается дать обильный и яркій матеріалъ. Берлинскія газеты указываютъ на «руку Москвы въ Ковно», подчеркиваютъ, что инж. фирмы Кнаппъ Зеебольдъ, вызванный въ Россію для монтажа машинъ, высланъ теперь изъ предѣловъ СССР, въ качествѣ тягостнаго (lästiger) иностранца и рекомендуетъ общественному мнѣнію обратить на это вниманіе. Тутъ же сообщается объ арестѣ въ Стокгольмѣ двухъ совѣтскихъ чиновниковъ, подготовлявшихъ коммунистическое возстаніе; о разоблаченіяхъ французскаго коммуниста Ланорта, подтверждающаго сообщеніе «Руля», что изъ Берлинскаго совѣтскаго центра въ Парижъ переводятся милліоны совѣтскихъ денегъ на пропаганду; объ арестѣ въ Ревелѣ русской коммунистки и т. д. Большое впечатлѣніе производитъ наглая ложь, что коминтернъ не имѣетъ отношенія къ совѣтской власти, повторенная въ отвѣтѣ Карахана на польскій протестъ. Одновременно съ этимъ совѣтская печать не перестаетъ вести травлю противъ германской промышленности. Такъ въ одномъ изъ морскихъ журналовъ печатаются рѣзкія нападки на одну изъ крупнѣйшихъ кораблестроительныхъ германскихъ фирмъ, построившую теплоходъ «Молдавія», безчисленные недостатки котораго заставляютъ «бить тревогу» и вызываютъ удивленіе «почему въ такомъ видѣ выпущенъ изъ постройки теплоходъ знаменитой фирмой и какъ онъ могъ быть принятъ».

Это поведеніе Кремля тѣмъ менѣе понятно, что положеніе внутри уже не со дня на день, а съ часу на часъ ухудшается. Уже давно «Рулю» сообщалось (напечатано въ номерѣ отъ 15 іюля), что территоріальныя войска представляются ГПУ крайне ненадежными. Послѣ столкновеній между ОГПУ и военными чекистами (такъ наз. Пур'омъ), теперь предпринята рѣшительная чистка среди территоріальныхъ частей, призванныхъ на лагерные сборы. Огромное количество чиновъ командного состава частью увольняется, частью перемѣщается въ глухія мѣста и эти мѣры еще сильнѣе увеличиваютъ броженіе въ красной арміи. Крайняя распущенность рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ и обостреніе пьянаго хулиганства на улицахъ, о чемъ также «Рулю» сообщалось, приводитъ къ все учащающимся стычкамъ съ милиціей и чинами ОГПУ. Милиція и особенно чекисты встрѣчаютъ такое рѣзкое сопротивленіе, что имъ приходится пускать въ ходъ огнестрѣльное оружіе и многократно уже стычки кончались раненіями и убійствомъ. Въ виду этого ОГПУ на дняхъ поручило извѣстному Ушакову прочесть докладъ о задачахъ милиціи и на этотъ докладъ собраны были принудительно представители рабочихъ, чтобы выслушать увѣренія, что нынѣшніе милиція и чекисты отличаются отъ царской полиціи и поэтому ОГПУ ожидаетъ что рабочіе будутъ оказывать имъ содѣйствіе, а не проявлять вражду, которая замѣчается въ послѣднее время.

Въ тѣсной связи съ усиленіемъ хулиганства стоитъ необычайный ростъ антисемитизма. Рабочія газеты завели у себя постоянныя рубрики, въ которыхъ перечисляютъ случаи звѣрскаго избіенія евреевъ комсомольцами студентами и рабочими и подчеркиваютъ что милиція не вмѣшивается, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда избитыхъ приходится перевозить въ больницы и когда раздаются угрозы «вырѣзать всѣхъ жидовъ».

Въ Петербургѣ приведенъ въ исполненіе приговоръ въ отношеніи осужденныхъ окрсудомъ къ разстрѣлу Пытко-Пытковскаго, Новикова, Третьякова, Карянина, Ющука и Кузнецова.

Безсильный человѣкъ.

Чухновскій летавшій надъ льдинами, видѣлъ трехъ человѣкъ. Двое стояли, одинъ лежалъ. Черезъ два дня «Святогоръ» — «Красинъ» нашелъ на этомъ мѣстѣ двоихъ: Маріано и Цаппи. Третій — это долженъ былъ быть Мальмгренъ — исчезъ. Истощенный, почти умирающій и почти голый Маріано не могъ дать по поводу исчезновенія никакихъ объясненій; сильный, одѣтый въ три костюма, собственный, Мальмгрена и Маріано. — Цаппи давалъ показанія противорѣчивыя и невѣрныя.

Въ теченіе двухъ недѣль Цаппи несомнѣнно питался Чѣмъ? Или… кѣмъ?

Скандинавская пресса негодуетъ по поводу людоѣдства; итальянская пресса негодуетъ, что Цаппи смѣютъ подозрѣвать въ людоѣдствѣ.

Можетъ быть, съ помощью показаній, фотографій Чухновскаго и прочее, будутъ установлены факты. Можетъ быть, факты, отъ которыхъ становится холоднѣе чѣмъ было тамъ около полюса.

Мы сможемъ узнать факты; то есть, поверхность явленій; самое несущественное. Сути же явленій, того, что привело къ фактамъ и какъ привело къ нимъ, мы не узнаемъ никогда.

«Душу можно-ль разсказать?..»

Сложна необъятна, прекрасна и чудовищна душа человѣческая. Все вмѣщаетъ въ себѣ: Сократъ-человѣкъ и Дзержинскій — человѣкъ. Вотъ онъ, каковъ размахъ человѣческаго маятника. Но еще страшнѣе, что и въ одномъ и томъ же человѣкѣ этотъ размахъ бываетъ необъятенъ. Герой и извергъ, чудо и чудовище — въ одной тѣлесной оболочкѣ.

Летѣли на полюсъ. Мы съ вами можемъ не любить фашистовъ, но они, субъективно, могутъ быть героями. Летѣли, чтобы національизировать полюсъ. Намъ съ вами такая цѣль можетъ быть очень не симпатична, но субъективно они могутъ быть героями. И множество людей справедливо считало ихъ героями. И они готовы были жертвовать собою для другихъ.

Слѣдующій актъ. Полная перемѣна декорацій. Унесено за кулисы все, что относится къ героической драмѣ. Режиссеръ изображаетъ дальнѣйшее въ стилѣ первобытной, допотопной трагедіи. Голый человѣкъ на голой землѣ. Не на землѣ — на льдахъ. Гдѣ не положено быть человѣку; гдѣ можетъ существовать лишь косматый медвѣдь.

Происходитъ молніеносный процессъ приспособленія Милліонами лѣтъ накопленная культура спадаетъ съ человѣка, какъ чешуя. Лента кинематографа съ фантастической быстротою несется въ обратную сторону. Чтобы сдѣлалось возможнымъ существованіе человѣка въ нечеловѣческихъ условіяхъ, онъ долженъ перестать быть человѣкомъ. Мы живемъ законами двадцатаго вѣка послѣ Рождества Христова, онъ долженъ руководиться законами, царящими въ двухъ, въ трехъ, въ четырехъ — милліонномъ вѣкѣ до нашей эры. Что происходитъ съ человѣкомъ, когда съ такою быстротой летитъ онъ въ пропасть времени?

То же самое, что съ Левенштейномъ, когда онъ летѣлъ въ пропасть пространства. Онъ разбивается.

Между мною и вами, людьми нашей эры, невозможна такая бесѣда:

— Когда вы, Сергѣй Викторовичъ, умрете, позвольте мнѣ съѣсть васъ.

— Хорошо, ѣшьте, Анатолій Ѳедоровичъ.

Но Маріано живъ, и Цаппи живъ. И оба они показываютъ: Цаппи, что онъ просилъ у Маріано позволенія, Маріано — что онъ позволилъ.

И у — все равно — умирающаго Маріано Цаппи взялъ его одежду, его обувь: одинъ скорѣе умретъ, другой вѣрнѣе обезпечитъ свою жизнь до тѣхъ поръ, пока явится спасеніе. А передъ этимъ… Передъ этимъ раздѣли Мальмгрена. Одинъ раздѣвалъ, или оба?

Вѣроятно, мы не узнаемъ объ этомъ никогда. И вѣроятно, намъ не надо объ